

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 10

 НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
 ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
 ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2013

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
 Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

- В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова** – Какая модернизация и какой капитализм нужны России? 3
- Б.И. Зеленко** – О правовой демократии в РФ, власти и социуме 13

Философия, культура, общество

- Н.В. Мотрошилова** – Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.) 22
- Р.Г. Апресян** – Генезис золотого правила 39
- С.С. Хоружий** – Как обходиться без бытия, или механика Латона 50
- К.М. Долгов** – Философское наследие Китая: Конфуций и Шан Ян 67
- Ф. Далмайр** – Секулярный век? Размышления о Чарльзе Тэйлоре и Раймоне Паниккаре 77

• Философия и наука

- Е.Н. Князева** – Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии 91

Из истории отечественной философской мысли

- В.Н. Порус** – “Новые люди” – надежда на будущее или реинкарнация прошлого? 105
- В.А. Сендеров** – “Православие. Самодержавие. Народность”. Европейский проект для России 116
- Ю.В. Пуцаев** – История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? (II) 124

Генезис золотого правила*

Р. Г. АПРЕСЯН

Золотое правило морали известно из древнейших литературных источников в различных формулировках. Сопоставляя их, мы, имея определенную философско-теоретическую и нормативно-этическую концепцию золотого правила, можем реконструировать его ценностно-нормативную динамику. Генезис золотого правила представлен в статье в виде шести этапов – от невербализованного ситуативно-коммуникативного опыта (Гомер), через вербализованный ситуативный опыт (Ахикар), еще и нормативно обобщенный (Моисей), через нормативно нейтральную рефлексию опыта взаимности (Аристотель), к частному нормативному обобщению (Товит) и универсальному нормативному обобщению – в негативной (Конфуций, Гиллель) и позитивной (Иисус) формулировках.

We know the Golden Rule of morality from ancient literary sources in different versions. Comparing them on the basis of philosophical and normative-ethical conception one can reconstruct its normative dynamics. In this article the genesis of the Golden Rule is represented in six stages – from non-verbalized particular communicative experience (Homer) via verbalized particular communicative experience (Ahiqar), normatively generalized (Moses), normatively neutral reflection on the experience of reciprocity (Aristotle), to particular normative generalization (Tobit) and universal normative generalization – in negative (Confucius, Hillel) and positive (Jesus) formulas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: золотое правило, мораль, происхождение моральных норм.

KEY WORDS: the Golden Rule, morality, origination of moral norms.

Золотое правило морали – “Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними” (Мф. 7:12) – известно из древнейших литературных источников в различных формулировках. Сопоставляя их, мы, имея определенную философско-теоретическую и нормативно-этическую концепцию золотого правила, можем реконструировать его ценностно-нормативную динамику от протоформ и простых форм к той, наиболее развитой форме, которая представлена в приведенном выше евангельском стихе.

* Статья представляет собой расширенный вариант лекции, прочитанной в разных версиях в январе 2013 в программе “Academia” (ТВ Культура) и на Коллегии теологического факультета Упсальского университета (Швеция).

© Апресян Р.Г., 2013 г.

Это правило получило название “золотого” в английском моральном богословии в конце XVII в.¹, т.е. исторически довольно поздно. Вместе с тем в литературе того круга оно называлось и “королевским”. Такое наименование стиха Мф. 7:12 спорадически встречается и в предшествующей богословской литературе.

В незначительно варьирующихся вариантах формула золотого правила присутствует практически во всех культурных, нравственных традициях – индуизме, буддизме, иудаизме, конфуцианстве, христианстве, исламе. Она встречается в традициях мудрости многих-многих народов; исследователи (часто это были миссионеры, путешественники) обнаруживали соответствующие сентенции или пословицы у индейцев Америки, у различных племен Африки, Океании, у народов Севера. Однако это правило обозначалось как “золотое” или “королевское” не потому, что оно встречается везде (когда оно получало такие наименования, факт общераспространенности не был известен), а потому, что оно признается основополагающим для человеческих отношений, и, стало быть, и для морали, если мы ассоциируем мораль с человеческими отношениями.

Судя по различным источникам, далеко не везде это правило обладало статусом “золотого”, т.е. основополагающего. В разных традициях оно нередко существует *наряду* с другими, т.е. никак не выделенным, не имеющим статуса верховного. Естественно, возникает предположение, что оно не сразу осознается и принимается в качестве такового. Что значит “не сразу”, каковы стадии прохождения через это “не сразу”? Иными словами, каков путь становления этого правила в качестве “золотого”?

1

Анализ генезиса, или генеалогия золотого правила – часть более обширного анализа, а именно, генеалогии морали. “Генеалогия морали” – термин специальный. Более всего он ассоциируется с Фридрихом Ницше, который и ввел этот термин в философский оборот в одном из наиболее фундаментальных и академически-философских своих произведений – “К генеалогии морали” (1887)². Это произведение, как Ницше сам характеризует его в предисловии, посвящено аналитическому рассмотрению “*происхождения наших моральных предрассудков*” [Ницше 1990, 408]. Ницше рассматривает мораль как собрание предрассудков. Соответственно выстраивается генеалогия. Вскрывая в трех рассмотренных истоки таких фундаментальных моральных представлений, как “добро и зло”, “вина” и “совесть”, “аскетические идеалы”, Ницше стремится продемонстрировать иллюзорную природу этих представлений, как бы срывая с них покров и показывая, из какого исторически уже забытого социального и культурного опыта они выросли. Это делается посредством экскавации неморальных и даже антиморальных (если считать, что мораль – это синоним антиэгоистического) истоков и предпосылок моральных понятий и демонстрации того, что в основе антиэгоистических моральных представлений лежат эгоистические установки, привычки и смыслы, а действительный смысл этих представлений заключается в том забытом социально-культурном опыте, который они призваны были закамouflировать и одновременно закрепить.

Предлагаемый мной метод генеалогического исследования золотого правила иной. Я понимаю, что моральные представления складываются на основе разных неморальных и протоморальных представлений. Например, золотое правило это правило отношений, основанное на практике взаимности. Самое простое выражение взаимности – правило обмена: “quid pro quo”, или “ты – мне, я – тебе”, “дайшь на дайшь”. Тексты разных культур позволяют проследить генетическую связь через ряд промежуточных звеньев нормативной формулы, известной нам как золотое правило, с правилом обмена (услугами, товарами). И что же, этим отдаленным истоком объясняется золотое правило? Конечно, нет. Взаимность лежит в основе разного рода отношений: “договорного” гостеприимства, или гостеприимной дружественности (*philoxenia*), дружбы, воздаяния, причем как в форме благодарности, так и в форме возмездия (частным случаем которого является правило талиона: “око за око”). Опыт этих отношений (которые сегодня мы отчасти отнесли бы к морали,

а отчасти нет) – важный нормативный источник золотого правила. Золотое правило складывается на основе неморального и протоморального коммуникативного и нормативного опыта. Но этими предтечами золотое правило в своем действительном нормативно-этическом содержании не раскрывается. Это касается и любых других моральных идей, ценностей, норм.

Как возникают и развиваются моральные представления, например, золотое правило, я стараюсь понять, исходя из понимания этих представлений в их развитом виде, т.е. исходя из их теоретического, концептуального осмысления. Соответствующим образом строится генеалогия: имея *аналитическое представление* о развитом явлении, я пытаюсь понять, из чего и как оно родилось.

Дистанцируясь в этом вопросе по отношению к Ницше, я не хочу сказать, что в морали нет предрассудков. Они есть. Отдельная задача философии и этики и заключается в критике морального мышления с целью его прочищения и прояснения. Возможно, это самая важная задача моральной философии и нормативной этики. Но, вопреки тому, что считал Ницше, генеалогия в этом деле – не самый первый помощник.

Итак, чтобы разглядеть золотое правило в неразвитых, становящихся формах, в протоформах, нам надо хорошо понимать, каково оно в развитой форме. В этом заключается метод моей реконструкции генезиса золотого правила: я знаю, что собой представляет развитое золотое правило, мне известны по литературным источникам, каковы нормативные контексты золотого правила, и я принимаю во внимание результаты философско-теоретического и нормативно-этического анализа золотого правила (см. [Гусейнов 1996, 10–28; Диле 1962; Генслер 1977; Рост 1986; Уоттлс 1996]). Это знание является для меня как бы инструментом: на его основе я исследую различный историко-нравственный материал.

Посмотрим на указанную формулировку золотого правила: “Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними”. Она характеризуется следующими общими чертами: 1) Это – правило инициативного действия, на что указывают слова “как хочешь”. 2) Оно предполагает самостоятельного субъекта действия, который поступает не по образцу, не по указке, а исходя из самого себя. 3) Действие, задаваемое золотым правилом – не спонтанно, оно намеренно, рефлексивно. Человек как субъект действия предполагается рефлексующим относительно своих действий, мыслящим о них, активно выстраивающим свои отношения с другими. 4) Действие, задаваемое золотым правилом – авансующее; оно как бы создает прецедент, дает пример. 5) Действие, совершаемое по золотому правилу, может быть в действительности односторонним, не взаимным. Но оно воображается и мыслится субъектом действия, как если бы оно находилось в “цепи” взаимности, как если бы человек действовал в условиях обоюдности действий. Человеку предлагается исходить из своего хотения; и его хотение ставится (хотя и неявно) в зависимость от хотения другого. 6) Действия в соответствии с золотым правилом *совершаются* в отношении других по мерке действий, которые человек *ожидает* от других. В этом соотношении и сообразывании индивидуальных волений (хотений) предполагается преодоление субъективности индивида. 7) Благодаря преодолению субъективности, сообразыванию, или гармонизации одной субъективности и другой субъективности золотое правило направляет на действия, устанавливающие общность или удостоверяющие общность (если она уже имеет место). 8) Это правило – общезначимо: оно актуально для любых обстоятельств, на что нам и указывают слова “Во всем...”.

Итак, у нас есть представление о золотом правиле в его развитой форме: в этой форме золотое правило дано именно как правило, как регулятив; это общезначимое правило; его объект – поступки человека по отношению к другому человеку; его предмет – сообразование, гармонизация установок и желаний человека с установками и желаниями другого; в соответствии с золотым правилом человек действует осознанно и ответственно; мы понимаем, каковы мотивы соответствующих поступков (гармонизация интересов, установление и сохранение общности) и у нас есть понимание возможного обоснования этих поступков – общее благо (разного уровня общности).

На основе и с помощью такого философского и нормативно-этического понятия золотого правила я выстраиваю его генеалогию.

Имея *аналитическое представление* о развитом явлении, я пытаюсь проследить, из чего оно родилось. Я как бы раскладываю описанное мной явление на отдельные составляющие, я провожу свой анализ древнего литературного материала, имея в виду значимость этих составляющих самих по себе, и готовый к тому, что среди найденных мной “артефактов” не будет общезначимого правила. Вообще, будет не правило, но только рекомендация, совет. Этот совет будет обосновываться не благом другого или общности, но благом конкретного действующего индивида, иными словами оно будет оправдываться благоразумием, а то и полезностью. Правило, рекомендация, совет – это нормативные и мыслительные формы, результирующие некую рефлексию, обобщающие опыт; так вот я готов к тому, что в материале, релевантном моему исследованию, не будет места обобщению, но будет только ситуация, в которой люди действуют, исходя из наличных интересов и предпочтений.

Собственно, так и проходили мои исследования в действительности. В свое время в поисках более полного понимания золотого правила я стал обращаться к разным источникам и был довольно удивлен, обнаружив, что мне гораздо чаще встречаются неполные, “ущербные”, “испорченные”, как мне казалось, образцы золотого правила. Поначалу я просто проходил мимо, считая, что это не то, что меня должно интересовать. Но в какой-то момент я стал фиксировать такие случаи, и постепенно у меня собралась довольно разнообразная коллекция “ущербных” образцов. Их анализ позволил понять, что я имею дело не с “ущербностью” или “испорченностью”, а с неразвитыми формами, которые в соответствии с характером неразвитости выстраиваются в некоторый закономерный ряд³.

Прежде чем приступить собственно к генеалогическому обзору, должен отметить, что для реконструкции генезиса золотого правила я отобрал лишь несколько источников. Древних текстов, в которых встречается золотое правило, конечно, больше, но для меня важна не историческая полнота, а генеалогия, причем в ее ключевых моментах. Тексты, с которыми я работаю, охватывают значительный хронологический период, по крайней мере почти в тысячу лет, и они – разного жанра: эпос, назидательное повествование, житейское поучение, моральное поучение, закон/кодекс, философское учение. Эти тексты принадлежат разным культурным ареалам, и редко, когда мы можем проследить непрерывное развитие нормативного мышления от одной формы (протоформы) к другой в рамках одной культурной традиции. Во всяком случае, современное состояние знаний и пониманий пока не позволяет это сделать. Предлагаемая мной реконструкция эволюции золотого правила не связана с хронологией. Это – нормативно-этическая реконструкция.

2

Из сказанного ясно, что в начале генезиса мы должны искать не золотое правило как таковое, не правило, но поступки и отношения между людьми, по своему духу близкие золотому правилу.

Эту начальную стадию я обнаруживаю у Гомера, а именно в “Илиаде”. В гомеровском мире распространены отношения, основанные на принципе взаимности. Это – отношения возмездные, обменные, воздаятельные. В русле рутинной практики благожелательной взаимности возникают отношения с новой мотивационной подоплекой, с новыми смыслами, предмет которых – благо другого человека само по себе, достоинство другого человека. Как мы видим в “Илиаде”, эти смыслы поначалу возникают по поводу конкретных единичных ситуаций. В “Илиаде” таких ситуаций, в контексте которых персонажи демонстрируют мышление по типу золотого правила, по крайней мере, три. Показательно, что во всех трех соответствующий способ мышления демонстрируют троянцы, а именно предводитель троянцев Гектор и царь троянцев Приам, т.е. сын и отец.

Гектор дважды высказывается в духе золотого правила. Перед особенными схватками – не в пылу боя, а в поединке один на один – он предлагает своим противникам заключить соглашение о том, как относиться к телу павшего⁴. Возможные поведенческие схемы в этих предложениях несколько разнятся. В одном случае (Ил. VII: 76–86) Гектор предла-

гает противнику взять на себя обязательства и сам обещает действовать так же. Формула, или максима поведения, просматриваемая за этим предложением, может быть представлена следующим образом: обязуюсь вести себя по отношению к тебе так же, как ты обязешься вести себя по отношению ко мне. Эта формула может быть преобразована в норму: “Поступай по отношению к другому так, как он обязался поступать по отношению к тебе”.

В другом случае, а именно перед сражением с Ахиллом Гектор обращается к нему: “Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец / Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть; / Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я, / Тело ж отдам мидонцам; и ты договор сей исполни” (Ил. XXII: 256–259⁵). Своим предложением Гектор заявляет, *как бы он хотел, чтобы поступили по отношению к нему и при этом указывает, что он сам будет действовать именно так – соответственно тому, какого поведения он ждет от другого в отношении себя.* Предложение Гектора мы можем реконструировать в формулу, или максиму поведения следующего вида: обязуюсь вести себя по отношению к тебе так-то, и ты прими такое же обязательство по отношению ко мне, или: обязуюсь вести себя так, как хотел бы, чтобы ты вел себя по отношению ко мне. Эта формула может быть преобразована в норму: “Поступай по отношению к другому так, как ты ожидаешь, что другой будет поступать по отношению к тебе”, и в таком виде она прямо соответствует золотому правилу.

Как показывает предложенная нормативная реконструкция этих коммуникативных ситуаций, они, невяно рефлексивные, таят в себе модель отношений, предполагаемых золотым правилом, причем в его позитивной формулировке. Изначальный принцип этих отношений – взаимность, обоюдная взаимность – известен, понятен, многократно испробован, как можно видеть на многочисленных в поэмах примерах дарообмена и гостеприимности. Гектор готов наполнить этот принцип новым содержанием. Оно заключается, во-первых, в благожелательном расположении и, во-вторых, в том, что предложения по установлению благожелательной взаимности делаются противникам, которые признаются достойными уважительного отношения.

На свое предложение Гектор получает от Ахилла решительный отказ. Отношения позитивной, благожелательной взаимности между Ахиллом и Гектором не сложились. Ахилл поражает в бою Гектора, но, тем не менее, в его душе продолжает бушевать жгучее чувство мести за павшего от руки Гектора любимого друга Патрокла, и он в течение многих дней измывает над телом Гектора, т.е. ведет себя прямо противоположно тому, что предлагал Гектор.

Такое поведение Ахилла вызывает негодование богов, и Зевс посредством матери Ахилла решительно склоняет его к снисхождению. При этом он побуждает троянского царя Приама отправиться к Ахиллу с выкупом за тело Гектора. Явившись в стан Ахилла, Приам обращается к нему с мольбой о выдаче тела сына. В качестве довода Приам просит Ахилла вспомнить своего отца – Пелея и отнестись к Приаму так, как Ахилл хотел бы, чтобы отнеслись к Пелею, окажись он в таком же положении (Ил. XXIV: 503–504). В Ахилле что-то происходит: он уже видит перед собой не царя вражеского народа, а старца, как бы своего отца, и относится к нему, как к своему отцу: он соглашается отдать тело Гектора и, приняв дары, устраивает Приаму дружеское угощение, а затем укладывает на ночлег. Не выкуп, но сострадание оказывается тем мотивом, который подвигает Ахилла благосклонно отнестись к мольбе правителя Трои. Это сострадание питается отношением к чужому, как к своему; тем, как бы Ахилл хотел, чтобы отнеслись в такой же ситуации к его отцу.

Эти эпизоды дают нам представление о поведенчески-коммуникативном прообразе “золотого правила”, т.е. о том, как золотое правило предвосхищается не в нормах, а в конкретно-ситуативной практике человеческих отношений. Здесь, пусть в единичных ситуациях, но очевидно и явно предлагается отношение к другому по образцу желаемого отношения к себе самому. Это отношение, которое перспективно выстраивается на основе взаимности – взаимности неактуальной, предполагаемой, воображаемой, и при полном взаимном благорасположении.

Следующий эпизод в генезисе золотого правила я нахожу в древнеассирийской “Повести об Ахикаре” (VII–V в. до н.э.). Ахикар – мудрец, ученый, визирь, хранитель печати ассирийских царей Синнахериба (704–681 гг. до н.э.) и Асархаддона (681–669 до н.э.). “Повесть” рассказывает о том, как Ахикар, ложно обвиненный в предательстве, предается царем на казнь, осуществить которую поручается знатному вельможе Набусемаку. Улучив момент и оставшись с Набусемаком с глазу на глаз, Ахикар напоминает ему, что сам в давние времена, послушавшись царя, спас его от несправедливо назначенной казни, привел его в свой дом и обеспечил всем, “как любой позаботился бы о своем брате” [Линденбергер 1985, 496]⁶. Теперь он призывает Набусемака поступить с ним так же. Набусемак откликается на просьбу, прячет Ахикара в доме своем и обеспечивает его всем так, “как любой позаботился бы о своем брате” [Линденбергер 1985, 497]. Заслуживает внимания повторение слов, характеризующих действия Ахикара в отношении Набусемака и действия Набусемака в отношении Ахикара – они идентичны, поскольку действия зеркальны.

Ахикар говорит на языке благодарности и благоразумия. Реально же, укрыв в далеком прошлом Набусемака от гнева царя, он действовал, руководствуясь другими мотивами: он отстаивал справедливость и защищал невинного. Мы имеем здесь три повествовательных элемента: а) спасение Набусемака Ахикаром, б) действие Ахикара в соответствии с принципом справедливости в отношении невинного (принципом, который он провозглашает в других обстоятельствах), в) призыв к Набусемаку, от которого Ахикар ожидает солидарного к себе отношения. Сюжетно эти события разнесены, но в лице Ахикара они не только соединены, но и логически связаны, и оправданно могут восприниматься нами в качестве внутренне связанного, единого нормативного события. Ахикар не просто поступает определенным образом, у этого поступка есть соответствующая нормативная подоплека, и он свой поступок выставляет в качестве примера для подражания.

Перед нами по-прежнему конкретный опыт общения, но, в отличие от Гомера, этот опыт внутри самого себя проговаривается. Это уже вербализованный опыт. И так же, как и в случае с гомеровским эпосом, будучи зафиксированным в “Повести”, это опыт имел несомненную императивную силу.

К этой же стадии генезиса золотого правила относится нормативный фрагмент в Пятикнижии Моисея. В исследовательской и комментаторской литературе можно встретить мнение, согласно которому, золотое правило появляется именно в Пятикнижии. При этом указывают на стих: “...люби ближнего твоего, как самого себя” (Лев. 19:18). Однако же мы видим, что это – заповедь любви, нормативная формула, близкая золотому правилу, но все же отличная от него. Заслуживает внимание другой стих в этой же главе Книги Левит: “Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его. Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской” (Лев. 19:33–34), в котором, как видим, благосклонное и заботливое отношение повелевается не к соплеменникам, а к пришлым – иноплеменникам, ставшим соседями. Интересно обоснование в этом повелении: “ибо и вы были пришельцами в земле Египетской”. Здесь можно усмотреть требование благодарности: к вам были благосклонны, теперь и вы будьте благосклонны, а правило благодарности – один из нормативных источников золотого правила, причем в его позитивной формулировке⁷. Пришлые – это не непременно выходцы из Египта, в данном случае, скорее всего, не выходцы из Египта; так что говорить здесь о благодарности как таковой у нас нет оснований. Но на основе модели благодарности предлагается другая модель, а именно модель взаимоотношений, близкая модели золотого правила, – только взаимность здесь не предполагаемая, а актуальная: в золотом правиле говорится: относись к другому, как ты бы хотел, чтобы другой относился к тебе [в будущем], в то время, как в Лев. 19:34: относись к другому, как другой относился к тебе [в прошлом].

Я объединяю Пятикнижие с “Повестью об Ахикаре”, потому что в приведенном стихе Лев. 19:34 в форме заповеди (т.е. в нормативной форме) на самом деле проговаривается то, что Ахикар пережил на собственном опыте отношений с Набусемаком.

Следующую стадию в развитии мышления по типу золотого правила я нахожу в тексте, выпадающем по жанру из складывающейся подборки. Это – ученый текст, фило-

софский текст. Это – текст Аристотеля. В нем не то, что нет золотого правила, Аристотель вообще не мыслил в терминах императивов, правил. Он как бы описывает нравы и встречающиеся мнения о них. Но вместе с тем Аристотель предлагает этику, и тем самым так или иначе задает должное: каким человеку следует быть, к чему стремиться, как поступать.

Даже среди приводимых мнений ничего похожего на золотое правило в явной форме нет. Однако Диоген Лаэртский приводит следующий анекдот: кто-то задает Аристотелю вопрос: “Как вести себя с друзьями?”, и в ответ Аристотель отвечает: “Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с вами” [Диоген Лаэртский 1979, 211]. В произведениях Аристотеля такого текста мы не найдем. Но мы найдем немало рассуждений, из которых похожий ответ можно было бы вывести. Рассуждая в “Риторике” о стыде, его причинах и проявлениях, Аристотель замечает: “...Что человек сам делает, за то, как говорится, он не взыщет с ближних, из чего следует, что чего он сам не делает, за то он, очевидно, взыщет” [Аристотель 1978, 86]. Чем интересно это высказывание? Первое: если провести аналитическую нормативную реконструкцию этого высказывания, то мы получим формулу, схожую с известной поговоркой: “Чего в другом не любишь, того сам не делай”. Здесь же как бы говорится: “Если сам делаешь, то не попрекай в других” и “Чего сам человек не делает, того и в других не любит”. Второе: хотя поводом и контекстом этого замечания является рассуждение о стыде, оно высказывается в обобщенной, преодолевающей частный момент человеческих отношений форме. Третье: при соответствующей нормативной реконструкции в нем можно выделить как позитивную, так и негативную формулировки золотого правила. Четвертое: в этом высказывании определяется не столько принцип действия, сколько критерий суждения относительно чужих действий, и этот критерий оценки оказывается обусловленным именно характером действующего лица.

Наиболее полно проблематика золотого правила просматривается в учении Аристотеля о дружбе. Конечно, дружеские отношения, в интерпретации Аристотеля, гораздо полнее и богаче, чем те отношения, которые предполагаются золотым правилом. Но при этом в них есть то, что подводит нас к золотому правилу. В дружбе, говорит Аристотель, человек относится к другу, как к самому себе (это определение переключается с формулой заповеди любви), а к себе человек относится так, как он относится к другу. Таким образом, ничего не говоря прямо о золотом правиле, Аристотель осмысляет различные проявления человеческих отношений, основанных на дружественности, благожелательности, вообще расположении. И таким образом накапливается и осваивается соответствующий мыслительный опыт, в рамках которого осознаются и определяются различные характеристики должных действий, которые впоследствии будут поняты как действия, соответствующие золотому правилу.

В какой-то момент накопленный опыт рефлексии доброжелательных человеческих отношений обобщается настолько, что оказывается претворенным в правило поведения – уже известное нам как золотое правило, пока только в негативной формулировке. Встречается оно в “Книге Товита”⁸.

Товит, о котором рассказывается в книге, – праведник. Само имя Товит (греч.< евр. *ṭōbî*) означает – “благость Бога”. Праведность Товита подтверждается его жизнью и его делами. Именно вследствие своей праведности Товит попадает в тяжелое финансовое положение и, чтобы поправить его, вынужден послать своего сына в дальнее путешествие. Напутствуя сына, он наставляет его в благоразумии и благочестии. Товит в первую очередь требует от своего сына почитания матери. Затем следует требование помнить Бога и исполнять все его заповеди; и здесь дополнительно праведность обосновывается как залог успеха в делах. Далее идет самое значительное по объему поучение, касающееся милостыни: ее следует подавать всем и всегда, поскольку это возможно. Как богопочитание подкрепляется обещанием успеха в практических делах, так милостивость подкрепляется неперменной наградой со стороны Бога. Милостыня творится другому человеку, но во славу Бога. Следующая заповедь запрещает распутство и требует исполнения порядка брачевания: жен надо брать из своего племени. Тут же говорится о необходимости любви к соплеменникам: “люби братьев твоих” (Тов. 4:13); и вновь требование оправдывается

практическими аргументами: “от гордости – погибель и великое неустройство, а от непотребства – оскудение и разорение: непотребство есть мать голода” (Тов. 4:13). Далее говорится о необходимости своевременной оплаты труда наемных работников.

Чуть далее приводится золотое правило (в отрицательной формулировке): “Что ненавистно тебе самому, того не делай никому” (Тов. 4:15). Его непосредственная нормативная ассоциация неясна. С одной стороны, золотым правилом начинается стих, который продолжается предостережением против пьянства. Но вместе с тем оно продолжает предыдущее указание: “Будь осторожен, сын мой, во всех поступках твоих и будь благоразумен во всем поведении твоём” (Тов. 4:14). В соотношении с этим указанием золотое правило определенно приобретает пруденциальный контекст. Как в одном, так и в другом соотношении золотое правило дополняет частные требования. В этом смысле оно не предлагается в качестве самостоятельного и, значит, совсем не является “золотым”.

Следующим по нормативно-этической логике шагом было обобщение этого правила до всеохватного, что мы можем зафиксировать у знаменитого еврейского законоучителя и патриарха, выдающегося деятеля фарисейства Гиллеля Старшего (110 г. до н.э. – 10 г. н.э.). Гиллелю принадлежат большие заслуги в разных областях знания, но, главное, благодаря ему происходят коренные изменения в нравственных воззрениях евреев. Гиллель, в частности, учил, что отношения между людьми не менее важны для Бога, чем отношения к самому Богу, что следует любить мир (отсутствие ссоры, войны) и добиваться мира, следует любить людей и приближать их к Торе, не следует человеку отделяться от общества, поскольку люди едины. Ему принадлежит наставление, указывающее на мышление в духе золотого правила: “Не суди ближнего, пока не будешь на его месте”. И он высказывает само золотое правило, о чем рассказывает известное предание. На обращение к нему язычника: “Я приму Тору, если ты изложишь мне ее сущность, пока я стою на одной ноге”, – Гиллель ответил следующими словами: “Что ненавистно тебе самому, того не делай ближнему твоему; в этом вся Тора, прочее – ее толкование. Иди и учись!”⁹ Что важно в этой трактовке, так это то, что золотое правило дается как квинтэссенция Учения.

Такое же утверждение золотого правила в качестве определяющего происходит на другом краю земли, в Китае за пять веков до Гиллеля (как я оговаривался выше, генеалогия золотого правила хронологически не прямолинейна, к тому же и в кросс-культурном плане не выверена). Золотое правило в ответ на вопрос ученика “Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?” высказывает Конфуций: “Это слово – взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе” [Лунь Юй 1972, 167]¹⁰. В отличие от трактовки Гиллеля, у Конфуция золотое правило предлагается не как основополагающее для всего учения, но как главное правило, регулирующее отношения между людьми и, соответственно, нормативно проясняемое в соотношении с разными поучениями и другими жизненными принципами – человечностью, умеренностью, великодушием, бесстрашием, свободой, предосторожностью. В этом смысле оно является скрепляющим все учение, проходит через учение, говоря словами Конфуция, “единой нитью”. Отличительной особенностью конфуцианского золотого правила (что обнаруживается в сопряженных правилах интерпретациях) было то, что в нем – вполне в духе конфуцианского учения, да и китайского мировоззрения в целом – при утверждении обращаемости ролей и позиций, не имелось в виду равенства между людьми; золотое правило предстает регулирующим иерархические, вертикальные отношения¹¹.

Гиллель и Конфуций представляют один этап в развитии золотого правила. Оно – в негативной формулировке – рекомендуется как основополагающее и общезначимое, пригодное ко всем ситуациям.

Интересно бы проследить, как происходит обобщающий скачок в понимании золотого правила – от правила для частных ситуаций к основополагающему правилу. Пока мы только можем зафиксировать, что этот скачок происходит, и золотое правило появляется сначала в форме общезначимого предупреждения от причинения какого-либо вреда. Это – то, что мы и видим у Конфуция и Гиллеля¹².

Наконец, конечный пункт в нашем генеалогическом рассмотрении – золотое правило в формулировке Христа (Мф. 7:12; Лк. 6:31). Как было отмечено выше, стих Мф. 7:12

представляет наиболее развитую форму золотого правила. Собственно, от нее я и отталкиваюсь в своем генеалогическом рассмотрении. Особое значение золотого правила в учении Христа подтверждается словами: “В этом Закон и пророки”. Иными словами, для Христа, как и для Гиллеля, в золотом правиле заключена вся мудрость Священного Писания¹³.

Слова “В этом Закон и пророки” в Евангелии от Матфея произносятся еще лишь однажды, после провозглашения заповеди любви к Богу и к ближнему (Мф. 22: 36–40). В Новом Завете золотое правило однозначно сопряжено с заповедью любви, причем настолько, что и в истории мысли и в современной литературе (не только популярной, но и специальной) есть традиция отождествления золотого правила и заповеди любви.

Итак, в Евангелиях золотое правило дано в позитивной форме. Если принять во внимание, что в сфере человеческих отношений моралью охватываются действия, спектр мотивов которых распространяется от непричинения вреда другому, с одной стороны, до активного содействия чужому благу, с другой – то можно заметить, что под золотое правило в данной формулировке подпадает как воздержание от действия (негативного по отношению к другому), так и совершение действия (позитивного по отношению к другому), иными словами, мораль – в целом. Этим золотое правило Евангелий отличается от варьирующихся формулировок золотого правила, известных по разным другим источникам. По сути, во всех остальных случаях золотое правило дается в отрицательной формулировке. Негативная формула фокусирует внимание лишь на непричинении вреда. Евангельская формулировка характеризуется и тем, что в ней не предположительно, а актуально указывается на то, что она распространяется на все случаи жизни, на любые отношения. Как мы видели, и в конфуцианстве и фарисействе золотое правило дается в контексте, указывающем на общезначимость правила. Но только в евангельской формулировке прямо говорится: “Во всем как хотите...”

* * *

Таким образом, на основе имеющихся литературных свидетельств я выделяю *шесть этапов* в становлении и развитии золотого правила – от невербализованного ситуативно-коммуникативного опыта (Гомер), через вербализованный ситуативный опыт (Ахикар), еще и нормативно обобщенный (Моисей), через нормативно нейтральную рефлексию опыта взаимности (Аристотель), к частному нормативному обобщению (Товит) и универсальному нормативному обобщению – в негативной (Конфуций, Гиллель) и позитивной (Иисус) формулировках.

Мне кажется, представленная модель генезиса золотого правила типична для генезиса любых нормативных образований морали. Заслуживает внимания то, что она по меньшей мере аналогична той модели, которую предложил Л.С. Выготский для описания формирования высших психических функций, или, как он еще называл их, культурных функций. Выготский и его последователи в изучении этой проблематики анализировали главным образом формирование этих функций у индивида, но есть все основания предполагать, что выявленные ими закономерности актуальны и для описания формирования социально-культурных функций, и эта проблема нуждается в дополнительном исследовательском внимании.

Мораль – если ограничиться наиболее общей характеристикой – это социокультурный комплекс, направленный на гармонизацию различных интересов, на содействие благу человека и социума. Этот комплекс включает в себя ценности, императивы и различные коммуникативные и социальные приспособления, обеспечивающие их действенность. Этот комплекс не институционализирован – он никем не установлен, он не принудителен. В этом смысле он как бы складывается по законам естественной эволюции, что хорошо видно в представленной модели генезиса золотого правила. Золотое правило формируется постепенно – в ходе практического взаимодействия и общения людей, на основе накапливаемого коммуникативного опыта (опыта конфликтов, страданий от их углубления и об-

легчений от их разрешения – благодаря взаимопониманию, компромиссам, согласованию интересов), в результате одухотворения и возвышения этого опыта. Описывая таким образом генезис золотого правила, я предполагаю, что оно еще и тем “золотое”, что всецело представляет феномен морали.

К этому остается добавить, что данная модель генезиса золотого правила может быть типовой и для других ценностных и императивных моральных форм. Но это – гипотеза, которая также еще требует своей исследовательской проверки.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 2004 – *Аверинцев С.* Переводы: Многоценная жемчужина / Пер. с сир. и греч. (Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова). Киев: Дух и литера, 2004.

Александр 2005 – *Alexander P.S.* Jesus and the Golden Rule / The Historical Jesus in Recent Research. Ed. J.D.G. Dunn, S. McKnight. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2005.

Аллисон 2003 – *Allinson R.E.* Hillel and Confucius: The Proscriptive Formulation of the Golden Rule in the Jewish and Chinese Confucian Ethical Traditions // *Dao: A Journal of Comparative Philosophy*. 2003. Vol. III. № 1.

Апресян 2001 – *Апресян Р.Г.* Талион и золотое правило // *Вопросы философии*. 2001. № 3.

Апресян 2008 – *Апресян Р.Г.* О появлении понятия “золотое правило” // *Этическая мысль*. Вып. 8. Под ред. А.А. Гусейнова. М.: ИФРАН, 2008.

Аристотель 1978 – *Аристотель* Риторика / Античные риторики. Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: МГУ, 1978.

Генслер 1977 – *Gensler H.J.* The Golden Rule. Ann Arbor: University of Michigan, 1977.

Гусейнов 1996 – *Гусейнов А.А.* “Золотое правило” нравственности [1972] / *Гусейнов А.А.* Язык и совесть: Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996.

Даксбери 2009 – *Duxbury N.* Golden Rule Reasoning, Moral Judgment and Law // *Notre Dame Law Review*. 2009. Vol. 84. № 4.

Диле 1962 – *Dihle A.* Die goldene Regel: Eine Einführung in die Geschichte der antiken und fruchristlichen Vulgarethik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.

Диоген Лаэртский 1979 – *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Общ. ред. и вступит ст. А.Ф. Loseva. М.: Мысль, 1979.

Йоспе 1990 – *Jospe R.* Hillel's Rule // *The Jewish Quarterly Review, New Series*. 1990. Vol. 81. № 1–2.

Линденбергер 1985 – *Lindenberger J.M.* Ahikar. A New Translation and Introduction // *The Old Testament Pseudepigrapha* / Ed. J.H. Charlesworth, Vol. 2: The Old Testament Pseudepigrapha, Expansions of the “Old Testament” and Legends, Wisdom and Philosophical Literature, Prayers, Psalms and Odes, Fragments of Lost Judeo-Hellenistic Works. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1985.

Лопухин web – *Лопухин П.А.* Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов. Книга Товита // http://golden-ship.ru/knigi/10/lopukhin_tovita.htm.

Лунь Юй 1972 – *Лунь Юй.* Пер. В.А. Кривцова / Древнекитайская философия: Собр. текстов в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.

Ницше 1990 – *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Ницше Ф.* Соч. в 2 т. / Сост., ред. К.А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Переломов 2000 – *Переломов Л.С.* Конфуций: “Лунь Юй”. Исслед., пер. с кит., коммент. М.: Восточная литература, 2000.

Рост 1986 – *Rost H.T.D.* The Golden Rule: A Universal Ethic. Oxford, England: George Ronald, 1986.

Уоттлс 1996 – *Wattles J.* The Golden Rule. New York; Oxford: Oxford University Press, 1996.

Примечания

¹ Возникновение термина “золотое правило” в английском моральном богословии последней трети XVII в. прослеживает в своем фундаментальном труде Дж. Уоттлс (см. [Уоттлс 1996, 78–81]; этот материал отражен в статье [Апресян 2008, 194–212]). Существенные уточнения в этом описании были сделаны Н. Даксбери [Даксбери 2009, 1546].

² Проблемы генеалогии морали рассматриваются Ницше и в ряде других работ: “Человеческое, слишком человеческое” (1878), “Странник и его тень” (1880), “Утренняя заря, или мысли о моральных предрассудках” (1881).

³ Правда, надо отметить, что наряду с незрелыми формами можно было встретить и деградировавшие формы. Но это относится к более позднему времени, – к текстам не эпическим, законнически-моралистическим, жизнеучительным, а литературно-художественным, не задающим или критикующим нравы, но описывающим их и посему фиксирующим в них отклоняющееся от морали, поскольку в реальных нравах отклонений всегда больше нормы.

⁴ По обычаю того времени тело павшего могло стать трофеем победителя, и тот мог выдать тело за выкуп сородичам или соратникам, надругаться над ним или похоронить с достоинством. Последнее – исключительно. В “Илиаде” нам известен лишь один случай такого рода, и он связан с Ахиллом. По рассказу жены Гектора Андромахи о гибели ее семьи, в которой именно Ахилл был повинен, последний предстает воином чести. Совершив набег на Киликию, Ахилл убивает царя Киликии – Этиона, отца Андромахи, а также семерых ее братьев. Однако по необъясняемому мотивам Ахилл не только не счел возможным сорвать с Этиона доспехи, но и похоронил его “вместе с оружием пышным”, соорудив над местом сожжения пышную могилу (Ил. VI:415–427).

⁵ Пер. Н.И. Гнедича.

⁶ Повесть цитируется по древнейшей из известных нам версий – арамейской рукописи, относящейся к V в до н.э. Русский перевод с сирийского списка “Повести” VII в. н.э. см. Повесть об Ахикаре Премудром ([Аверинцев 2004, 188–215]).

⁷ О логике нормативной трансформации правила благодарности в позитивную формулу золотого правила см. [Апресян 2001].

⁸ Известный текст Книги Товита принято относить к II в до н.э., но вероятно, что ранние версии этого сюжета относятся к VIII в. до н.э., когда, собственно, и разворачивается рассказываемая в книге история. Такое допущение делает комментатор Библии XIX в. А.П. Лопухин, ссылаясь на другого библиста, Н.М. Дроздова [Лопухин web].

⁹ Вавилонский Талмуд, Шабб. 30а. Цит. по: [Йоспе 1990, 48]. Известно, что внук Гиллеля – Рабан Гамлиэль бен Шимон ха-Закен (в христианской традиции – Гамалиил, признанный святым) был наставником апостола Павла (Деян. 22:3).

¹⁰ В переводе Л.С. Переломова – “снихождение” [Переломов 2000, 415]. В китайской философии нет собственной традиции рефлексии золотого правила. Однако в последние несколько десятилетий появилось значительное число работ, посвященных золотому правилу в китайской, в основном конфуцианской, мысли. Обсуждение конфуцианских высказываний, содержащих золотое правило и соотнесенных с ним, полностью релевантно европейской традиции осмысления этого нормативного феномена.

¹¹ Только средневековые конфуцианцы универсализируют золотое правило, и говорят об отношениях вообще, а не только об отношениях неравных.

¹² Сопоставительный анализ гиллелевской и конфуциевской версий золотого правила см. в статье Р. Аллинсона, известного сиолога и специалиста по золотому правилу: [Аллинсон 2003].

¹³ В литературе высказывается мнение, что у Гиллеля, и соответственно, в фарисейском иудаизме золотое правило как бы выводится из множества других, конкретных, правил и тем самым обобщает их, в то время как в христианстве золотое правило задается как верховное, и из него выводятся все другие правила (см. [Александр 2005, 506–507]). Композиция и нормативная структура Нагорной проповеди показывают, что это не так: золотое правило приводится почти в завершение перечня заповедей, определяющих отношения между людьми, и, таким образом, обобщает их. Это, как мы видим, соответствует и историческому формированию золотого правила.